

Published in the Russian Federation
 Oriental Studies (Previous Name: Bulletin of the Kalmyk Institute
 for Humanities of the Russian Academy of Sciences)
 Has been issued as a journal since 2008
 ISSN: 2619-0990; E-ISSN: 2619-1008
 Is. 6, pp. 1050–1061, 2019
 DOI: 10.22162/2619-0990-2019-46-6-1050-1061
 Journal homepage: <https://kigiran.elpub.ru>

УДК 94(470.46=512.37)

Из истории калмыцко-тибетских контактов XVII–XVIII вв.

Александр Викторович Цюрюмов¹, Андрей Алексеевич Курапов²

¹ Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования «Калмыцкий государственный университет имени Б. Б. Городовикова» (д. 11, ул. Пушкина, 358000 Элиста, Российская Федерация)
 доктор исторических наук, профессор
 ORCID: 0000-0001-8214-3758. E-mail: Tsyuryumov@yandex.ru

² Государственное бюджетное учреждение культуры Астраханской области «Астраханский государственный объединенный историко-архитектурный музей-заповедник» (д. 15, ул. Советская, 414000 Астрахань, Российская Федерация)
 кандидат исторических наук, заместитель директора по науке и экспозициям
 ORCID: 0000-0002-0521-2710. E-mail: Akurapov78@rambler.ru

Аннотация. *Введение.* Статья посвящена одному из важнейших направлений внешнеполитической жизни Калмыцкого ханства в XVII–XVIII вв. — взаимодействию с Тибетом. *Цель* статьи — ввести в научный оборот новые архивные документы и сведения о специфике формирования, основных направлениях, периодах, значительных исторических фигурах и итогах калмыцко-тибетского взаимодействия в XVII–XVIII вв. *Результаты.* Взаимодействие калмыцкой аристократии с Тибетом складывается незадолго до начала формирования Калмыцкого ханства в рамках дипломатической и просветительской деятельности миссионеров буддийской школы Гелуг в ойратском союзе. Клерикальная элита Тибета была заинтересована в распространении буддийского учения, складывании национальной буддийской традиции и буддийской церкви в Калмыцком ханстве. Светская элита ханства, заинтересованная в легитимации собственного статуса, интеграции в социально-политическое пространство Центральной Азии, активно поддерживала принятие буддизма калмыками и распространение буддийской церкви под патронажем Гелуг. Создание национального законодательства и национальной письменности в 40-е гг. XVII в. при активном участии буддийского духовенства сыграло интегрирующую роль в ойратском союзе и стало культуuroобразующим фактором для социокультурной и социально-политической жизни Калмыцкого ханства. С конца XVII в. тибетская инвеститура, включавшая звание, тронное имя калмыцких ханов, печать и знамя, определяла легитимность и авторитет правителя ханства. Буддийское паломничество являлось основной формой калмыцко-тибетской коммуникации в XVII–XVIII в. Контроль над паломническими поездками представителей калмыцкой аристократии Российским государством с начала XVIII в. становится рычагом воздействия на внутреннюю политику Калмыцкого ханства. Во второй половине XVIII в. калмыцко-тибетское взаимодействие регламентировалось Китаем, использовавшим его для организации откочевки Убаши-хана в 1771 г.

Ключевые слова: Калмыцкое ханство, Тибет, Гелуг, буддийская церковь, паломничество, посольство

Для цитирования: Цюрюмов А. В., Курапов А. А. Из истории калмыцко-тибетских контактов XVII–XVIII вв. *Oriental Studies*. 2019;(6): 1050-1061. DOI: 10.22162/2619-0990-2019-46-6-1050-1061.

UDC 94(470.46=512.37)

Kalmyk–Tibetan Contacts in the 17th–18th Centuries: Glimpses of History

Alexander V. Tsyuryumov¹, Andrey A. Kurapov²

¹ Federal State Budgetary Educational Institution of Higher Education «B. B. Gorodovikov Kalmyk State University» (11, Pushkin St., Elista 358000, Russian Federation)

Dr. Sc. (History), Professor

ORCID: 0000-0001-8214-3758. E-mail: Tsyuryumov@yandex.ru

² State budgetary Institution of Culture of the Astrakhan region «Astrakhan State United Historical and Architectural Museum-Reserve» (15, Sovetskaya St., Astrakhan 414000, Russian Federation)

Cand. Sc. (History), Deputy Director for Science and Expositions

ORCID: 0000-0002-0521-2710. E-mail: Akurapov78@rambler.ru

Abstract. Introduction. The article is devoted to one of the most important areas of the foreign policy of the Kalmyk Khanate in the XVII–XVIII centuries — interaction with Tibet. **Goals.** The purpose of the article is to introduce into the scientific circulation new archival documents and information about the specifics of formation, main directions, periods, significant historical figures and the results of Kalmyk-Tibetan interaction in the 17th-18th centuries. **Results.** The interaction of the Kalmyk aristocracy with Tibet takes shape shortly before the formation of the Kalmyk Khanate as part of the diplomatic and educational activities of the missionaries of the Gelug Buddhist school in the Oirat Union. The clerical elite of Tibet was interested in spreading Buddhist teachings, developing a national Buddhist tradition and a Buddhist church in the Kalmyk Khanate. The secular elite of the khanate, interested in legitimizing their own status, integrating into the socio-political space of Central Asia, actively supported the adoption of Buddhism by the Kalmyks and the spread of the Buddhist church under the patronage of Gelug. Creation of national legislation and national writing in the 40s. XVII century with the active participation of the Buddhist clergy, it played an integrating role in the Oirat Union and became a culture-forming factor for the sociocultural and socio-political life of the Kalmyk Khanate. Since the end of the XVII century. Tibetan investment, including the title, the throne name of the Kalmyk khans, the seal and the banner, determined the legitimacy and authority of the ruler of the khanate. Buddhist pilgrimage was the main form of Kalmyk-Tibetan communication in the XVII–XVIII centuries. Control over pilgrimage trips of representatives of the Kalmyk aristocracy by the Russian state since the beginning of the 18th century becomes a lever of influence on the domestic policy of the Kalmyk Khanate. In the second half of the XVIII century. Kalmyk-Tibetan interaction was regulated by China, which used it to organize the migration of Ubashi Khan in 1771.

Keywords: Kalmyk Khanate, Tibet, Gelug, Buddhist church, pilgrimage, embassy

For citation: Tsyuryumov A. V., Kurapov A. A. Kalmyk–Tibetan Contacts in the 17th–18th Centuries: Glimpses of History. *Oriental Studies*. 2019;(6): 1050-1061. DOI: 10.22162/2619-0990-2019-46-6-1050-1061.

Введение

Калмыцко-тибетское взаимодействие в XVII–XVIII вв. является значительным направлением в истории внешней политики Калмыцкого ханства, оказавшим влияние на

международные отношения в Центральной Азии и на формирующуюся восточную политику Российского государства. Калмыцко-тибетские связи пережили этапы активизации и стагнации. Большую роль в этом

взаимодействии сыграли видные религиозные деятели Тибета и Калмыцкого ханства. Социально-политическое взаимодействие с буддийскими центрами Тибета повлияло на формирование самого Калмыцкого ханства, на его культуру, религиозную жизнь, внутреннюю политику. При этом контроль над взаимодействием с Тибетом стал одним из направлений ограничительной политики Российской империи в отношении Калмыцкого ханства. Отдельные аспекты калмыцко-тибетских контактов нашли отражение в историографии [Китинов 2004; Беспрозванных 2002; Беспрозванных 2008; Бакаева 2009; Тепкеев, Санчилов 2016]. Вместе с тем авторами не ставилась цель комплексного анализа истории взаимодействия Тибета и Калмыцкого ханства в XVII–XVIII вв. на основании широкого круга неопубликованных источников.

Постановка задачи

Цель статьи — на основе материалов, обнаруженных и исследованных в фондах Российского государственного архива древних актов, Архива внешней политики Российской империи, Национального архива Республики Калмыкия, раскрыть характерные особенности и значение калмыцко-тибетских контактов в XVII–XVIII вв.

Материалы

Основным материалом к статье стали документы Российского государственного архива древних актов (фонд 119 «Калмыцкие дела»), Архива внешней политики Российской империи (фонд 119 «Калмыцкие дела»), Национального архива Республики Калмыкия (фонд И-36 «Состоящий при калмыцких делах при астраханском губернаторе»), где отложились челобитные астраханских воевод о миссионерской и дипломатической деятельности тибетских иерархов в калмыцких улусах, сведения о дипломатическом взаимодействии с приволжскими калмыками, о контактах калмыцкой аристократии с Тибетом, донесения и рапорты астраханских губернаторов и российских чиновников о дипломатических контактах Калмыцкого ханства с Китаем и Тибетом в XVIII в.

Основная часть

Тибет, являясь сакральным религиозным центром для последователей буддизма, оказал значительное влияние на развитие традиционной и политической

культуры, социально-политическую историю монгольских кочевых государств в XVII–XVIII вв. Важным направлением взаимодействия приволжских калмыков и буддийских монастырских комплексов Тибета являлось создание национальной монастырской традиции, национальной буддийской церкви. Именно повседневная работа национальных проповедников являлась самым эффективным инструментом распространения новой религиозной традиции в социуме. Общавшиеся на национальном языке, знавшие традиции и нормы обычного права, обладавшие клерикальным и светским статусом, национальные проповедники успешно увеличивали число неофитов. В свою очередь и светская элита калмыцкого этнополитического союза была заинтересована в распространении новой религиозной идеологии, способствовавшей легитимации формирующейся торгоутской династии не только внутри социума, но и на уровне ойратских княжеств XVII в.

Распространенной формой коммуникации светской элиты калмыцких улусов и тибетской клерикальной аристократии XVII в. становится получение буддийского образования в тибетских монастырских комплексах младшими сыновьями калмыцких правителей. Получение клерикального образования, а в дальнейшем, как правило, принятие духовного сана усиливало и национальную буддийскую традицию, и аристократический род, представитель которого становился священнослужителем. Аристократ-неофит поддерживал национальную буддийскую традицию экономически и политически, способствовал распространению буддизма в среде подвластного населения. В свою очередь буддийская традиция содействовала политической интеграции формирующихся ханств в систему социально-политического взаимодействия в Центральной Азии.

По мнению российского востоковеда А. М. Позднеева и советского востоковеда И. Я. Златкина, миссионерская деятельность школы тибетского буддизма Гелуг в XVII в. среди монгольских этнополитических союзов была направлена именно на аристократию и осуществлялась в значимых политических центрах региона [РНБ. Ф. 590. Д. 246. Л. 3об.; Златкин 1970: 25].

Проповедь буддийских миссионеров в XVII в. была направлена на распространение новой религиозной традиции среди неофитов, на борьбу с традиционными верованиями и на распространение монастырской системы традиции Гелуг.

Наиболее яркие буддийские проповедники, распространявшие буддизм в ойратском этнополитическом союзе: Нейджи-тойн (1557–1663 гг.) и Зая-пандита (1599–1662 гг.) являлись, в том числе, и авторитетными политическими лидерами региона, консолидовавшими этнополитические союзы единой идеологией, формируя политическое объединение под главенством тибетских иерархов Гелуг.

Нейджи-тойн и Зая-пандита являлись сыновьями влиятельных политических лидеров крупнейших этнополитических объединений ойратского союза, получившими религиозное образование и принявшими духовный сан в крупнейших буддийских монастырях Тибета [Пурбуева 1984: 52; Норбо 1999: 41]. Время завершения обучения и начала проповеди у обоих миссионеров практически совпадает — это 20-е–30-е гг. XVII в. Завершение обучения сопровождалось в биографиях обоих миссионеров схожими наставлениями от лица духовных наставников тибетских монастырей, ориентировавших их на распространение учения «во благо живым существам» среди ойратов и монголов [Пурбуева 1984: 52].

Буддийские миссионеры распространяли вероучение, традиции культа и обрядность, ориентируясь на монгольскую аристократию, создавая национальную буддийскую общину, консолидируя монгольские княжества единой идеологией, активизируя их внешнеполитическое взаимодействие через систему буддийской общины.

В частности, Зая-пандита в процессе своей активной миссионерской деятельности в 1638–1662 гг. посещал наиболее крупные этнополитические объединения западных монголов (ойратов). Активная политическая деятельность проповедника повлияла и на специфику осуществления его миссионерской работы. Проповедник организовал кочевой монастырский комплекс Икэ-Курээ, являвшийся одновременно мобильным политическим центром Гелуг в регионе и казначейством [Раднабхадра 1999: 74].

Буддийские иерархи Тибета, стремясь консолидировать пробуддийски настроенные ойратские этнополитические объединения, активно предотвращают военные конфликты между ними, выступая в роли дипломатов и миротворцев. В 30-е гг. XVII в. в ойратские кочевья иерархами Тибета была направлена группа проповедников, основной целью которых была консолидация ойратских этнополитических союзов [Русско-монгольские отношения 1959: 152]. Не остались без внимания Тибета и торгоуты, продвигавшиеся на запад вглубь России. В 1636 г. к торгоутскому тайше Дайчину прибывает значительная делегация тибетских лам для урегулирования вспыхнувшего в 1635 г. военного конфликта между дербетами Далай-Батыра и торгоутами Хо-Урлюка. Духовенство также призывало торгоутов вернуть свои кочевья в Сибирь для консолидации ойратского союза [Богоявленский 1939: 72].

В 1637 г. в урочище Аман-Карагай (верховья р. Ишим) буддийским иерархом хутухтой Инзаном Ринпоче был организован съезд, на котором противоборствующие стороны примирились [РГАДА. Ф. 119. Оп. 1. 1636. Д. 2. Л. 93об.].

Одним из наиболее значимых этапов распространения тибетского буддизма в ойратском этнополитическом союзе становится разработка и принятие законодательства 1640 г., фиксировавшего систему социально-политического взаимодействия в ойратском союзе. Законодательный съезд ойратских и халхаских князей, принявший единое законодательство «Ик Цааз» («Ики Цааджин Бичик», «Степное уложение 1640 г.», «Монголо-ойратские законы»), прошедший в сентябре 1640 г. в урочище Улан-Бураа на Тарбагатае, был инспирирован джунгарским правителем Эрдэни Батур-хунтайджи и буддийскими миссионерами, создавшими условия для объединения халха-ойратской светской элиты. Законодательство 1640 г. оказало значительное влияние на социально-политическую историю Джунгарского, Хошутского и Калмыцкого ханств в XVII–XVIII вв.

Необходимо отметить значительную роль монашеской общины в организации и подготовке законодательного съезда. Система национальных буддийских монашеских общин, объединенных системой кле-

рикальной коммуникации, значительный авторитет буддийского духовенства в халха-монгольском и ойратском обществе, необходимость духовной легитимации законодательного съезда и итогового документа позволили буддийской церкви выступить одним из инициаторов и организаторов этого процесса. Наряду с необходимостью объединения халха-ойратских княжеств единым законодательством для их дальнейшей политической интеграции, буддийская традиция преследовала и цель легитимации собственного статуса в халха-монгольском и ойратском обществе [Buddhism in Mongolia 1981: 21].

Текст «Степного уложения» 1640 г. свидетельствует о значительной роли буддийского духовенства тибетской школы Гелуг в создании законодательства, регулировавшего жизнь калмыцкого народа до начала XIX в.

Само законодательство, как и буддийские трактаты, начинается с традиционных «слов поклонения» духовным авторитетам: основателю буддизма — Будде Шакьямуни, основателю традиции Гелуг — Цзонхапе, буддийским иерархам Далай-ламе и Панчен-ламе [Голстунский 1880: 35]. Защита буддийского духовенства в законодательстве 1640 г. был посвящен ряд статей, что свидетельствует о том, что оно инициировало защиту формирующейся буддийской традиции на законодательном уровне. Законодательство 1640 г. вводило систему штрафов за оскорбление буддийского духовенства, нанесение ущерба имуществу духовных лиц разных ступеней иерархии, имуществу буддийских монастырей [Их Цааз 1981: 16]. Законодательство фиксировало наказание за шаманскую практику и за обращение к шаманам, что стало определенным этапом борьбы тибетского буддизма с традиционными верованиями [РГАДА. Ф. 119. Оп. 1. Д. 1640(2). Л. 4]. Участие буддийского духовенства в формировании законодательства ойратов и калмыков в значительной степени усилило статус буддийской традиции в ойратском союзе во второй половине XVII в.

В 1648 г. Зая-пандитой была проведена реформа ойратской письменности, было создано «ясное письмо» (*тодо бичиг*) [Раднабхадра 1999; Норбо 1999; Baddeley 1919: 129]. Формирование национальной пись-

менности является значительным этапом в процессе формирования национальной культуры и самосознания. Зая-пандита, создав основу ойратской национальной литературной традиции, ведя активную переводческую деятельность, выдвинул буддизм традиции Гелуг в качестве одного из ойрат-калмыцких культуuroобразующих факторов. Вместе с тем историк И. Я. Златкин считал, что реформа письменности 1648 г., укреплявшая социокультурное и политическое единство ойратских княжеств, должна была способствовать созданию теократического государства при доминировании тибетского буддизма традиции Гелуг [Златкин 1970: 39].

Важным направлением деятельности великого просветителя было создание национальной буддийской традиции у западных монголов. Зая-пандита основывает ряд монастырских комплексов, закрепляет в ойратской традиции монашеские обеты, правила поста и принятия буддийского посвящения [Норбо 1999: 64].

Уже в начале XVII в. калмыцкие кочевья распространяются за пределы Западной Монголии на территорию России, что было предопределено социально-политическим и экономическим кризисом в Центральной Азии. Калмыцкие правители-тайши стремились наладить политическое и социально-экономическое взаимодействие с российскими властями. В активизации дипломатического процесса формирующемуся Калмыцкому ханству оказала содействие и буддийская традиция, имевшая опыт взаимодействия со светскими властями в разных регионах своего бытования.

Наряду с активным содействием российско-калмыцкому дипломатическому взаимодействию и его легитимации буддийская традиция способствует укреплению статуса формирующегося Калмыцкого ханства в Центральной Азии. Продолжается активное взаимодействие калмыцкой аристократии с крупнейшими монастырскими комплексами Тибета — центрами религиозной и политической жизни региона. В калмыцкую буддийскую традицию перешел обычай отправки младших сыновей аристократических родов на обучение в тибетские монастыри для укрепления национальной буддийской общины и активизации контактов с иерархами Тибета. Один из сыновей

основателя Калмыцкого ханства, главы торгоутской династии Хо-Урлюка — Лаузан был направлен на обучение в Тибет во главе делегации из калмыцкой аристократии по инициативе тибетского проповедника Майдари-хутугты [Батур-Убуши Тюмень 1969: 28].

Распространенным инструментом интеграции народов, стремившихся войти в состав Российского государства, в российскую систему социально-политического взаимодействия, являлся обряд шертования.

«Шерть» — договор (присяга) между Российским государством и национальной светской элитой, оформлявшийся в виде «шертной грамоты». Договор-шерть традиционно легитимировался религиозным обрядом, который осуществлялся обеими сторонами переговорного процесса. Традиции ритуальной стороны шертовального процесса предписывали осуществление обряда второй стороной исходя из вероисповедания ее представителей.

Буддийская традиция становится частью ритуалов процедуры шертования в конце 40-х — начале 50-х гг. XVII в., именно тогда представители калмыцкой аристократии подписали ряд договоров в Астрахани и Уфе в присутствии буддийского духовенства, с использованием буддийской атрибутики [РГАДА. Ф. 119. Оп. 1. Д. 1650 (2). Л. 11]. Буддийская атрибутика легитимировала шертные записи 1655 г., 1657 г., 1661 г., в которых калмыцкие тайши клялись в верности Российскому государству [ПСЗРИ 1830: 356, 531–532; Тепкеев 2013: 7].

Распространенной формулировкой клятвы была формулировка шертной грамоты, подписанной калмыцким тайши Мончаком на верность Калмыцкого ханства Российскому государству 9 декабря 1661 г. при урочище Берекете: «...по своей Калмыцкой вере даю шерть и поклоняюсь, и целую Бога своего Бурхана и молитвенную книгу Бичиг и четки, и ножик свой лижу и к горлу прикладываю» [ПСЗРИ 1830: 562].

После прихода к власти в Калмыцком ханстве хана Аюки (1642–1724 гг.) в 1672 г. русско-калмыцкое дипломатическое взаимодействие в значительной степени активизируется. С 70-х гг. XVII в. было подписано несколько шертей, в ритуальной стороне подписания которых так же участвовало буддийское духовенство ханства и присут-

ствовала буддийская атрибутика. Так в тексте шерти, подписанной 27 февраля 1673 г. в урочище Кантебе, присутствовала распространенная и ранее формулировка: «...шертвую по своей Калмыцкой вере и поклоняюсь, и целую бога своего Бурхана, и молитвенную книгу бичиг, и четки, и саблю на свою голову и к горлу прикладываю» [ПСЗРИ 1830: 924].

Отметим, что изменения в системе делопроизводства Российского государства в конце XVII — начале XVIII в. приводят к тому, что шертные договоры уходят из русско-калмыцкого взаимодействия [Курапов 2018: 179]. Вместе с тем буддийское духовенство продолжало активно участвовать в дипломатических контактах с российскими властями.

В 1690 г. глава Калмыцкого ханства Аюка получает от Далай-ламы ханскую печать и ханский титул [Лунный свет 2003: 116–117]. С этого момента он мог именовать себя ханом, и этот титул был признан светской и духовной аристократией ханства и государств Центральной Азии. В XVII — начале XVIII в. инвеститура, получаемая от тибетских иерархов (звание хана, тронный титул, освященная печать) играли значительную роль в легитимации хана в калмыцкой традиции, что не исключало проведение съезда светской элиты и получение инвеституры от Российского государства [Трепавлов 2014: 15–16]. Политическая ситуация в Джунгарском ханстве в конце XVII в. позволяет сделать вывод о том, что тибетские иерархи традиции Гелуг стремились создать коалицию ханств с пробуддийски настроенной элитой, поддерживая создание военно-политического союза Джунгарского и Калмыцкого ханств. Джунгарский хан Галдан-Бошокту, имевший титул «Галдан Палзин Бошокту-хан» («Галдан — опора Учения»), полученный от Далай-ламы, стремился объединить ойратов авторитетом религиозной традиции Гелуг [Rossabi 1975: 119].

Однако планы иерархов Тибета не были реализованы. Центробежные тенденции и социально-политический кризис в Калмыцком ханстве привели к расколу в правящей торгоутской династии. Улус одного из сыновей Аюки Санжипа откочевал в Джунгарское ханство в 1701 г. [Батмаев 1977: 47]. Джунгарский хан Цеван-Рабтан захватыва-

ет улус Санжипа, что приводит к кризису в калмыцко-джунгарских отношениях и активизации дипломатических контактов Калмыцкого ханства с Китайской империей.

С начала XVIII в. взаимодействие Калмыцкого ханства с Тибетом начинает ограничиваться Российским государством. Правительство, опасавшееся заключения военно-политического союза Китайской империи и Калмыцкого ханства, участия войск ханства в военном конфликте с Джунгарией, начинает регламентировать и запрещать калмыцкие посольства в Тибет, проходившие через российско-китайскую границу в Сибири. Архивные документы свидетельствуют о четырех калмыцких посольствах в Тибет в начале XVIII в. [РГАДА. Ф. 119. Оп. 1. 1709. Д. 4. Л. 6]. После активизации калмыцко-китайского взаимодействия российское правительство отказывает калмыцкой аристократии в реализации традиционных паломничеств к буддийским святыням Тибета.

Несмотря на значительные ограничения, калмыцко-тибетское взаимодействие продолжалось и в XVIII в. Тибетские иерархи непосредственно и косвенно продолжали оказывать влияние на внутреннюю политику Калмыцкого ханства, легитимируя статус светской аристократии и формируя кадровый состав духовной элиты. В сентябре 1718 г. в Тобольск из Тибета возвращается калмыцкое посольство во главе с новым калмыцким первосвященником Шакур-ламой. Внутренняя и внешняя политика нового первосвященника ханства была направлена на объединение с единоверцами Джунгарии, организацию откочевки ханства в Центральную Азию.

Новый калмыцкий первосвященник получил буддийское образование в одном из крупнейших монастырей Тибета — в монастыре Брайбун (Дрепунг), который долгое время являлся резиденцией Далай-ламы и был одним из центральных монастырских комплексов традиции Гелуг [АВПРИ. Ф. 119. Оп. 1. 1736. Д. 2. Л. 29]. Отправка в Калмыцкое ханство высокообразованного и авторитетного в клерикальной среде священнослужителя в тяжелый для Тибета политический момент была вызвана необходимостью объединения ойратских ханств для оказания военно-политической помощи центру буддийской традиции. Неслучайно

даже через пять лет после прибытия Шакур-ламы в ханство в калмыцкой аристократической среде, в среде простолюдинов циркулировали слухи о том, что первосвященник привез от Далай-ламы «повеление» об откочевке в Джунгарию [НА РК. Ф. 36. Оп. 1. Д. 15. Л. 211об.].

В XVIII в. основным каналом калмыцко-тибетского взаимодействия становятся официальные посольства-паломничества калмыцкой аристократии и духовенства в религиозные центры Тибета. Ритуальной целью паломничества являлось поклонение и принесение жертвоприношений тибетским иерархам, поминовение усопших, получение благословления. Кроме ритуальной стороны, посольства-паломничества имели и политические цели: консультации с тибетскими иерархами и китайским правительством, решение внутривосточных и внешнеполитических проблем Калмыцкого ханства.

В 1729 г. калмыцкий первосвященник Шакур-лама обращается к российскому правительству с просьбой разрешить посольству калмыцкой аристократии посетить святыни Тибета [АВПРИ. Ф. 119. Оп. 1. 1729–1731. Д. 19. Л. 18об.].

Правительство, не имевшее причин для отказа, было вынуждено разрешить поездку, внося свои коррективы в ее организацию. Российское правительство, взявшее на себя все расходы, значительно сократило состав делегации, запретив официальным лицам ханства и первосвященнику покидать Россию [Пальмов 1926: 78].

После пересечения российско-китайской границы калмыцкое посольство было встречено китайскими чиновниками и сопровождено в Пекин, куда паломники прибыли 24 марта 1730 г. [АВПРИ. Ф. 119. Оп. 1. 1732–1735. Д. 18. Л. 3об.]. В Пекине калмыцкие паломники удостоились аудиенции богдыхана Иньчжэня. На аудиенции поднимался вопрос о военно-политическом союзе Китайской империи и Калмыцкого ханства. После переговоров паломники получили возможность посетить наиболее значимые монастырские центры Тибета, посетить Далай-ламу VII, который в это время находился в ссылке [Беспозванных 2002: 151].

Посольство не стало основой для активизации калмыцко-китайского политического взаимодействия. Калмыцкое ханство,

вассальное по отношению к России, не являлось субъектом международной политики. Главным политическим результатом паломничества 1729 г. стало получение наместником Калмыцкого ханства Церен-Дондуком (?–1737 г.) инвеституры от тибетских иерархов традиции Гелуг, столь значимой для калмыцкой светской и духовной элиты. Только нареченный Далай-ламой хан считался легитимным для его подданных. Церен-Дондук получил от Далай-ламы VII тронное имя «Дайчин-Шаса-Бюджа-хан» и «...благословение на счастье власти дедовской и отцовской» [АВПРИ. Ф. 119. Оп. 1. 1732–1735. Д. 18. Л. 307].

Практически все религиозные задачи поездки были реализованы. Были осуществлены запланированные религиозные ритуалы и подношения. Вместе с посольством в Калмыцкое ханство из тибетских монастырей были направлены 17 священнослужителей и «один великий лама» — духовное лицо, обладавшее особым клерикальным статусом [АВПРИ. Ф. 119. Оп. 1. Д. 18. Л. 163]. Тем самым решалась характерная для буддийской традиции периода Калмыцкого ханства проблема кадрового состава буддийских монастырей. Непосредственные участники паломничества также получили благословение от Далай-ламы VII. Намка-гелюнг, являвшийся вторым, после первосвященника, лицом в буддийской иерархии Калмыцкого ханства, получил от главы традиции Гелуг титул «Ланско унзен Дархан лансу», 27 членов калмыцкого посольства получили титул гелюнга, несколько из членов посольства остались на обучение в монастырях Тибета [АВПРИ. Ф. 119. Оп. 1. Д. 18. Л. 163об.].

Новый правитель Калмыцкого ханства — Дондук-Омбо (?–1741 гг.), пришедший к власти в 1735 г., был так же заинтересован в легитимации собственной власти авторитетом тибетской буддийской традиции. Несмотря на авторитарность правления Дондук-Омбо, его активное подавление внутренней оппозиции и наличие значительной поддержки от правительства России, наместник не воспринимался подданными законным правителем без соответствующей грамоты от Далай-ламы. В этой связи вопрос об организации паломничества в Тибет поднимался Дон-

дук-Омбо и его окружением в переговорах с российскими властями с 1732 г. [Пальмов 1926: 242].

Второй важной причиной для посещения иерархов Тибета стала необходимость назначения нового главы буддийской общины Калмыцкого ханства. Шакур-лама умер в Санкт-Петербурге в 1736 г., куда он был экстрадирован вместе с ханом Церен-Дондуком и окружением после фактической политической победы в ханстве Дондука-Омбо. Глава калмыцкого посольства — Джимбо-Джамсо определял именно поиск нового первосвященника важнейшей задачей посольства-паломничества: «... ему (Шакур-ламе) чином подобного ламу или какого изберет Далай-лама» [АВПРИ. Ф. 119. Оп. 1. 1737–1741. Д. 41. Л. 396]. Так же, как и посольство 1729 г., организуемое Дондук-Омбо посольство в том числе решало задачу перспективного кадрового пополнения монастырских комплексов Калмыцкого ханства. Вместе с официальной делегацией в тибетские монастырские центры калмыцким духовенством планировалось направить 10 мальчиков для получения клерикального образования [АВПРИ. Ф. 119. Оп. 1. 1737–1741. Д. 41. Л. 484].

После длительной переписки с правительством России и региональными властями Дондук-Омбо получает разрешение на организацию посольства в Тибет в 1737 г. — был определен маршрут и состав калмыцкой делегации. Посольство из 70 человек возглавил Джимбо-Джамсо — буддийский священнослужитель из окружения хана Дондук-Омбо. Кроме него, в состав делегации вошли 10 буддийских священнослужителей высокого ранга [АВПРИ. Ф. 119. Оп. 1. 1737–1741. Д. 41. Л. 12].

Посольство выехало из Калмыцкого ханства в ноябре 1737 г., достигнув г. Селенгинска на российско-китайской границе в начале 1739 г. [Пальмов 1926: 245; Цюрюмов 2007: 233].

Политические и религиозные задачи посольства 1737 г. не были реализованы. Калмыцкая делегация была остановлена китайскими чиновниками на границе. Причиной для запрета на проезд через китайскую границу стало обострение российско-китайских отношений и российское подданство делегации [АВПРИ. Ф. 119. Оп. 1. 1740–1741. Д. 30. Л. 91об.].

Новым этапом в калмыцко-тибетском взаимодействии становится период правления хана Дондук-Даши (1690–1761 гг.). Приход к власти Дондук-Даши был драматичен, сложен и инспирирован российским правительством. Внутриполитический кризис в Калмыцком ханстве, наличие претендентов на престол в лице детей и вдовы Дондук-Омбо обострили необходимость тибетской легитимации статуса главы Калмыцкого ханства, назначенного российским правительством. Дондук-Даши был пророссийским правителем, не имевшим планов откочевки за пределы Российской империи. Несмотря на то, что угрозы для России Дондук-Даши не представлял, на согласование посольства ушло 13 лет — с 1742 г. по 1755 г.

Калмыцкие паломники, возглавляемые Хошучи Цой-Джитом, направились из Калмыцкого ханства в Тибет в сентябре 1755 г., достигнув российско-китайской границы в марте 1756 г. [Пальмов 1927: 160; Цюрюмов 2007: 273].

Перед посольством 1755 г. калмыцкой светской и клерикальной аристократией были поставлены две задачи: легитимировать власть Дондук-Даши авторитетом тибетских иерархов и пополнить буддийскую монашескую общину Калмыцкого ханства квалифицированными священнослужителями, для этого в состав посольства были включены 23 человека, направленные для обучения в тибетские монастыри [НА РК. Ф. 36. Оп. 1. Д. 267. Л. 83].

Посольство Хошучи Цой-Джита не доставило Дондук-Даши грамоту Далай-ламы VII на ханский престол — Далай-лама VII Калсанг Гьяцо скончался 22 марта 1757 г. Вместе с тем калмыцкие послы были дважды приняты китайским императором Цяньлунем (1711–1799 гг.), который предоставил возможность калмыцкой делегации посетить Тибет и дал военное сопровождение [Мэн-гу-юму-цзи 1895: 144]. По мнению большинства исследователей, именно с посольством Хошучи Цой-Джита в Калмыцкое ханство были доставлены «подзвонные грамоты Далай-ламы», ставшие одним из поводов для откочевки калмыков в Джунгарию в 1771 г. [Пальмов 1927: 163; Дорджиева 2002]. Версия об использовании официальным Пекином «тибетского фактора» для организации откочевки при-

волжских калмыков в пределы Китайской империи представляется правдоподобной и подтверждается интенсивностью китайско-калмыцкого взаимодействия в XVIII в., заинтересованностью китайского правительства в заселении опустевших территорий разгромленного Джунгарского ханства, вассалитетом Тибета по отношению к Китаю, наличием аудиенций посольства Хошучи Цой-Джита у китайского императора в 1756 г.

Выводы

Калмыцко-тибетское взаимодействие в XVII–XVIII вв. осуществлялось в разных формах, имелись периоды активизации и стагнации, периоды взаимной заинтересованности во взаимодействии и интенсификации дипломатической деятельности со стороны одного из субъектов дипломатического процесса. В начале XVII в. инициатором такого взаимодействия выступают иерархи тибетского буддизма традиции Гелуг, заинтересованные в создании и укреплении национальной буддийской церкви в ойратском союзе, формировании системы политических контактов с ойратской и калмыцкой аристократией в рамках системы «двух законов». Просветительская и дипломатическая деятельность буддийских проповедников в ойратском союзе приводит к созданию национального законодательства «Ик Цааз» («Ики Цааджин Бичик») и национальной письменности *тодо бичиг*. Тибет приобретает статус сакрального идеологического центра, выступая в качестве третьей стороны в междоусобных конфликтах. Новым этапом взаимодействия становится период формирования и укрепления Калмыцкого ханства. Взаимная заинтересованность тибетской и калмыцкой элит в политическом союзе способствует активизации контактов. Калмыцкая аристократия обращается к авторитету тибетских иерархов, к авторитету буддийской традиции для легитимации торгоутской династии, укрепления авторитета Калмыцкого ханства в Центральной Азии, преодоления внутриполитической раздробленности, дальнейшего дипломатического взаимодействия с Российским государством. В конце XVII в. основной целью взаимодействия для тибетских иерархов становится создание коалиции буддийских ойратских ханств, создание военно-политического союза Джунгарского и Калмыцкого

ханств. Центробежные тенденции, социально-политический кризис в Калмыцком ханстве, раскол в правящей торгоутской династии повлекли за собой обострение калмыцко-джунгарских отношений и активизацию дипломатических контактов Калмыцкого ханства с Китайской империей. Политическое ослабление Тибета, фактически потерявшего в XVIII в. политическую самостоятельность, приводит к тому, что калмыцко-тибетские контакты переходят под контроль Китая, инициировавшего создание «подзывных грамот Далай-ламы», ставших одним из поводов для откочевки калмыков в Джунгарию в 1771 г.

Источники

- АВПРИ — Архив внешней политики Российской империи.
 НА РК — Национальный архив Республики Калмыкия.
 РНБ — Российская национальная библиотека.
 РГАДА — Российский государственный исторический архив.
 ПСЗРИ 1830 — Полное собрание законов Российской империи с 1649 года. Т. I. СПб.: Тип. II Отделения Собственной Его Императорского Величества Канцелярии, 1830. 1072 с.

Sources

- [Complete Collection of Laws of the Russian Empire, since 1649]. Vol. I. St. Petersburg: Printing House. II Branch of His Own Imperial Majesty Chancellery, 1830. 1072 p. (In Russ.)
 Archive of the Foreign policy of the Russian Empire.
 National Archives of the Republic of Kalmykia.
 Russian National Library.
 Russian State Historical Archive.

Литература

- Бакаева 2009 — Бакаева Э. П. Буддизм в Калмыкии: основные этапы истории // Буддизм России. 2009. № 42. С. 9–17.
 Батмаев 1977 — Батмаев М. М. Внутренняя обстановка в Калмыцком ханстве в конце XVII в. // Из истории докапиталистических и капиталистических отношений в Калмыки. Элиста: КНИИИФЭ, 1977. С. 34–53.
 Батур-Убуши Тюмень 1969 — Батур-Убуши Тюмень. Сказание о дербен-ойратах, составленное нойоном Батур-Убуши Тюменем // Калмыцкие историко-литературные памятники в русском переводе. Элиста: Калм. кн. изд-во, 1969. С. 13–48.

- Беспрозванных 2002 — Беспрозванных Е. Л. Калмыцко-китайские отношения на втором этапе (середина 20-х – середина 30-х гг. XVIII в.) // Стрежень: науч. ежегодник. Волгоград: Издатель, 2002. Вып. 1. С. 147–153.
 Беспрозванных 2008 — Беспрозванных Е. Л. Калмыцко-китайские отношения в XVIII веке. Волгоград: Изд-во Вол-ГУ, 2008. 372 с.
 Богдавленский 1939 — Богоявленский С. К. Материалы по истории калмыков в первой половине XVII–XVIII вв. // Исторические записки. 1939. № 5. С. 48–102.
 Голстунский 1880 — Голстунский К. О. Монголо-ойратские законы 1640 г., дополнительные указы Галдан-хун-тайджия и законы, составленные для волжских калмыков при калмыцком хане Дондук-Даши. СПб.: Имп. акад. наук, 1880. 143 с.
 Дорджиева 2002 — Дорджиева Е. В. Далай-лама VII Галсан-Джамцо и его роль в подготовке «торгоутского побега» 1771 г. // Материальные и духовные основы калмыцкой государственности в составе России. К 360-летию со дня рождения хана Аюки. Мат-лы междунар. науч. конф. Элиста: Изд-во КалмГУ, 2002. С. 64–67.
 Златкин 1970 — Златкин И. Я. Зая-Пандита как политический деятель // 320 лет старокалмыцкой письменности. Элиста: Калм. кн. изд-во, 1970. С. 21–40.
 Их Цааз 1981 — Их Цааз («Великое уложение»). Памятник монгольского феодального права XVII в. Ойратский текст. М.: Наука, 1981. 148 с.
 Китинов 2004 — Китинов Б. У. Священный Тибет и воинственная степь: буддизм у ойратов (XIII–XVII вв.). М.: Т-во науч. изд. КМК, 2004. 190 с.
 Курапов 2018 — Курапов А. А. Буддийская обрядность в русско-калмыцких шертях-присягах и договорах XVII – начала XVIII века // Вестник Оренбургского государственного педагогического университета. 2018. № 2 (26). С. 176–182.
 Лунный свет 2003 — Лунный свет: Калмыцкие историко-литературные памятники. Элиста: Калм. кн. изд-во, 2003. 475 с.
 Мэн-гу-юму-цзи 1895 — Мэн-гу-юму-цзи: записки о монгольских кочевьях // Записки Императорского русского географического общества по отделению этнографии. СПб.: Изд-во П. О. Яблонского, 1895. Т. 24. С. 1–487.
 Норбо 1999 — Норбо Ш. Зая Пандита. Элиста: Калм. кн. изд-во, 1999. 335 с.

- Пальмов 1926 — *Пальмов Н. Н.* Этюды по истории приволжских калмыков: в 5 ч. Астрахань: Изд-во Калмоблисполкома, 1926. Ч. 1. 260 с.
- Пальмов 1927 — *Пальмов Н. Н.* Этюды по истории приволжских калмыков: в 5 ч. Астрахань: Изд-во Калмоблисполкома, 1927. Ч. 2. 231 с.
- Пурбуева 1984 — *Пурбуева Ц. П.* «Биография Нейджи-тойна» как источник по истории буддизма в Монголии. Новосибирск: Наука, 1984. 113 с.
- Раднабхадра 1999 — *Раднабхадра.* Лунный свет: История рабджам Зая-Пандиты. СПб.: Петерб. востоковедение, 1999. 176 с.
- Русско-монгольские отношения 1959 — Русско-монгольские отношения. 1607–1636. Сб. док. М.: Вост. лит., 1959. 350 с.
- Тепкеев 2013 — *Тепкеев В. Т.* Русско-калмыцкие переговоры и шерть 1657 г. // Вестник Калмыцкого института гуманитарных исследований РАН. 2013. № 4. С. 5–9.
- Тепкеев, Санчириров 2016 — *Тепкеев В. Т., Санчириров В. П.* Калмыцко-тибетские отношения на рубеже XVII–XVIII вв. // Вестник Калмыцкого института гуманитарных исследований РАН. 2016. № 4. С. 12–20.
- Трепавлов 2014 — *Трепавлов В. В.* Российское подданство калмыков в ритуалах и символах (из истории этнической политики XVII–XIX вв.) // Вестник Калмыцкого института гуманитарных исследований РАН. 2014. № 4. С. 8–19.
- Цюрюмов 2007 — *Цюрюмов А. В.* Калмыцкое ханство в составе России: проблемы политических взаимоотношений. Элиста: АПП «Джангар», 2007. 464 с.
- Baddeley 1919 — *Baddeley J. F.* Russia, Mongolia, China. London; New York: Franklin, 1919. 250 p.
- Buddhism in Mongolia 1981 — Buddhism in Mongolia. Historical Survey. Ulan Bator: Studies of the Gandanthekehling Monastery, 1981. 43 p.
- Rossabi 1975 — *Rossabi M.* China and Inner Asia. From 1368 – To the Present Day. London: Thames and Hudson, 1975. 330 p.

Sources

- [Complete Collection of Laws of the Russian Empire (since 1649)]. Vol. I. St. Petersburg: Second Section of His Imperial Majesty's Own Chancellery, 1830. 1072 p. (In Russ.)
- Archive of Foreign Policy of the Russian Empire. National Archive of the Republic of Kalmykia. National Library of Russia. Russian State Historical Archive.

References

- [*Ikh Tsaaz* ('The Great Code of Laws'): a 17th-Century Monument of Mongolian Feudal Law. Oirat Text]. Moscow: Nauka, 1981. 148 p. (In Oir. and Russ.)
- [Russian-Mongolian Relations: 1607–1636]. Coll. documents. Moscow: Vostochnaya Literatura, 1959. 350 p. (In Russ.)
- [The Moonlight: Kalmyk Historical and Literary Monuments]. Elista: Kalmyk Book Publ., 2003. 475 p. (In Russ.)
- Baddeley J. F. Russia, Mongolia, China. London; New York: Franklin, 1919. 250 p. (In Eng.)
- Bakaeva E. P. Buddhism in Kalmykia: key historical stages. *Buddhism of Russia*. 2009. No. 42. Pp. 9–17. (In Russ.)
- Batmaev M. M. Kalmyk Khanate: internal situation in the late 17th century. In: [Pre-Capitalist and Capitalist Relations in Kalmykia: Glimpses of History]. Elista: Kalmyk Research Institute of History, Philology and Economics, 1977. Pp. 34–53. (In Russ.)
- Besprozvannykh E. L. [Kalmyk-Chinese Relations: 18th Century]. Volgograd: Volgograd State University, 2008. 372 p. (In Russ.)
- Besprozvannykh E. L. Kalmyk-Chinese relations at the second stage: mid-1720s to mid-1730s. In: [Strezhen: Scholarly Yearbook]. Volgograd: Izdatel, 2002. Vol. 1. Pp. 147–153. (In Russ.)
- Bogoyavlensky S. K. Kalmyks in the early 17th – 18th centuries: historical materials. *Istoricheskie zapiski*. 1939. No. 5. Pp. 48–102. (In Russ.)
- Buddhism in Mongolia. Historical Survey. Ulan Bator: Studies of the Gandanthekehling Monastery, 1981. 43 p. (In Eng.)
- Dordzhieva E. V. 7th Dalai Lama Kelsang Gyatso and his role in the preparation of the 1771 'Torghut escape'. In: [Kalmyk Statehood within Russia's Borders: Material and Spiritual Foundations]. Conf. proc. Elista: Kalmyk State University, 2002. Pp. 64–67. (In Russ.)
- Golstunsky K. F. [The 1640 Oirat Mongolian Code of Laws Supplemented with Galdan Hongtayiji's Decrees and Laws Compiled for the Volga Kalmyks during the Rule of Khan Donduk-Dashi]. K. F. Golstunsky (text, transl., etc.). St. Petersburg: Imperial Academy of Sciences, 1880. 143 p. (In Russ.)
- Kitinov B. U. [Sacred Tibet and Martial Steppe: Buddhism of the Oirats (XIII–XVII Centuries)]. Moscow: KMK, 2004. 190 p. (In Russ.)
- Kurapov A. A. Buddhist rituals in the Russian-Kalmyk shert-oaths and treaties of the 17th – early 18th centuries. *Vestnik of Orenburg State Pedagogical University*. 2018. No. 2 (26). Pp. 176–182. (In Russ.)

- Menggu youmu ji*: Notes on Mongolian Nomad Territories. In: [Imperial Russian Geographical Society: (Scholarly) Notes of the Ethnographic Department]. Vol. 24. St. Petersburg: P. Yablonsky, 1895. Pp. 1–487. (In Russ.)
- Norbo Sh. [Zaya Pandita]. Elista: Kalmyk Book Publ., 1999. 335 p. (In Russ.)
- Palmov N. N. [Volga Kalmyks: Historical Essays]. In 5 vols. Astrakhan: Kalmyk Oblast Executive Committee, 1926. Vol. 1. 260 p. (In Russ.)
- Palmov N. N. [Volga Kalmyks: Historical Essays]. In 5 vols. Astrakhan: Kalmyk Oblast Executive Committee, 1927. Vol. 2. 231 p. (In Russ.)
- Purbueva Ts. P. [Biography of Neiji Toyn as a Source on the History of Buddhism in Mongolia]. Novosibirsk: Nauka, 1984. 113 p. (In Russ.)
- Radnabkhadra. [The Moonlight: The Story of Rabjampa Zaya Pandita]. St. Petersburg: Peterburgskoe Vostokovedenie, 1999. 176 p. (In Russ.)
- Rossabi M. China and Inner Asia. From 1368 – To the Present Day. London: Thames and Hudson, 1975. 330 p. (In Eng.)
- Тепкеев В. Т. Russian-Kalmyk negotiations and the shert-oath of 1657. *Bulletin of the Kalmyk Institute for Humanities of the RAS (Oriental Studies)*. 2013. No. 4. Pp. 5–9. (In Russ.)
- Тепкеев В. Т., Санчиоров В. П. Kalmyk-Tibetan relations at the turn of the 17th and 18th centuries. *Bulletin of the Kalmyk Institute for Humanities of the RAS (Oriental Studies)*. 2016. No. 4. Pp. 12–20. (In Russ.)
- Трепавлов В. В. Russian allegiance of Kalmyks in rituals and symbols (from the history of ethnic policy in 17th–19th centuries). *Bulletin of the Kalmyk Institute for Humanities of the RAS (Oriental Studies)*. 2014. No. 4. Pp. 8–19. (In Russ.)
- Тсyрyумов А. В. [Kalmyk Khanate as Part of Russia: Issues of Mutual Political Relations]. Elista: Dzhangar, 2007. 464 p. (In Russ.)
- Тyмен В.-У. The Story of the Dorben Oirats Compiled by Noyon (Prince) Batur-Ubushi Tyumen. In: [Kalmyk Historical and Literary Monuments: Russian Translations]. Elista: Kalmyk Book Publ., 1969. Pp. 13–48. (In Russ.)
- Златкин И. Я. Zaya-Pandita as a political figure. In: [320th Anniversary of Old Kalmyk (Clear Script)]. Elista: Kalmyk Book Publ., 1970. Pp. 21–40. (In Russ.)

